

Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев

Светлана А. Москвичева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Оксана И. Александрова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье анализируются типы структур репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры в обыденных представлениях этнических тувинцев, выявляются центральные и периферийные репрезентации в структуре, степень их связанности, наличие кластеров репрезентаций. Эмпирическая часть исследования проводилась в 2022 и 2024 гг. в Тувинском государственном университете, в нем приняли участие более 70 респондентов (этнических тувинцев) в возрасте от 18 до 30 лет. Инструментом исследования послужила комплексная качественно-количественная методика анализа репрезентаций, включающая методы получения нарративов о языке и культуре при помощи эссе, анкетирование, блок математических методов, а также методы анализа и интерпретации.

Выявлено, что структуры репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры имеют ряд существенных отличий. Поле «Тувинская культура» хорошо структурировано, в нем четко выделяется ядро, центр и периферия, а все элементы связаны друг с другом. В структурно-семантическом плане ведущим механизмом является гипонимия. Поле «Тувинский язык» представляет собой слабо организованную атомарную структуру, в которой ведущий тип семантических связей — метафора и атрибутивные оценочные конструкции. Вместе с тем, тувинский язык и тувинская культура в определенном смысле находятся в дополнительном функциональном распределении, поскольку одна из основных функций тувинского языка — это обеспечение связи поколений, то есть сохранение тувинцев как этноса, а основная функция культуры — поддержание горизонтальных связей в обществе, то есть сохранение тувинцев как социума.

Ключевые слова: тувинский язык; тувинская культура; Тува; тувинцы; репрезентация языка; репрезентация культуры; структура репрезентации; социальное представление

Статья подготовлена в рамках проекта № 050744–0–000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Москвичева С. А., Сувандии Н. Д., Александрова О. И. Структуры представлений тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира молодых тувинцев // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 203–225. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12>

Москвичева Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, директор лаборатории «Динамика языков в миноритарной ситуации» Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2. Эл. адрес: moskvicheva-sa@rudn.ru

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

Александрова Оксана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2. Эл. адрес: alexandrova_oi@pfur.ru

The structures of representations of the Tuvan language and Tuvan culture in the Russian-speaking picture of the world of young Tuvans

Svetlana A. Moskvicheva

RUDN University, Russian Federation,

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation,

Oksana I. Alexandrova

RUDN University, Russian Federation

The article presents an analysis of the types of structures of representations of Tuvan language and culture in the daily lives of ethnic Tuvans. The authors identify central and peripheral elements in the structure and the degree of connectivity between them, as well as the presence of clusters of representations. The empirical part of the study was conducted at Tuvan State University in 2022 and 2024, involving more than 70 participants (ethnic Tuvans aged 18–30). The research used a comprehensive qualitative and quantitative approach to analyzing representations, including methods such as essays, questionnaires, and mathematical methods.

It has been revealed that the structures of the representations of the Tuvan language and culture have several significant differences. The field “Tuvan Culture” domain is well-structured, with a clear distinction between the core, center, and periphery, and all elements are connected. Structurally and semantically, hyponymy is the leading mechanism. The field “Tuvan Language” domain is a loosely organized, atomic structure, with metaphor and attributive evaluative constructions as the leading types of semantic connections. At the same time, Tuvan language and culture are in a sense in complementary functional distribution, as one of the main functions of Tuvan is to ensure communication between generations, preserving the Tuvans as an ethnic group, while the main function of culture is to maintain horizontal ties within society, preserving the Tuvans as a social group.

Keywords: *Tuvan language; Tuvan culture; Tuva; Tuvans; representation of language; representation of culture; structure of representation; social representation*

Financing:

The article was prepared within the framework of project No. 050744-0-000 of the Grant Support System for scientific projects of the RUDN University.

For citation:

Moskvicheva S. A., Suvandii N. D. and Alexandrova O. A. The structures of representations of the Tuvan language and Tuvan culture in the Russian-speaking picture of the world of young Tuvans. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 203–225 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.12>

MOSKVITCHEVA, Svetlana Alekseevna, Candidate of Philology, Director, Laboratory “Dynamics of Language in a Minority Situation”, Research and Academic Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Associate Professor, General and Russian Linguistics Department, RUDN University. Postal address: 10/2 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: moskvitcheva@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8047-7030

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 9B Mongush Sat St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

ALEKSANDROVA, Oksana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, General and Russian Linguistics Department, RUDN University. Postal address: 10/2 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail: alexandrova-oi@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-7246-4109

Введение

В последнее время возрастает интерес науки к исследованию когнитивных структур и ментальных пространств обыденных представлений, связанных с символическим полем языковых ситуаций (Blanchet, 2016; Boudreau, 2016; Costa, 2017; Viaut, 2010; и др.). Российская социолингвистика также обращается к этому вопросу. Например, анализу восприятия языков Южной Сибири посвящена работа Т. Г. Боргояковой и К. А. Покояковой (Боргоякова, Покоякова, 2022). Номенклатуре, типам и, в меньшей степени, типологии репрезентаций языка в связи с культурой посвящено достаточное количество работ (Matthey, 1997; Boyer, 2010; Colonna, 2014). Вместе с тем структура поля репрезентаций языка в обыденном сознании его носителей остается малоизученной (Maurer, Desrousseau, 2013; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022).

Цель данной работы заключается в выявлении и анализе типа структур репрезентаций, связанных с обыденными представлениями молодых тувинцев о тувинском языке и тувинской культуре. В первую очередь нас интересовала степень связности элементов структуры репрезентаций, степень выраженности центра и периферии в данных структурах, наличие ядерных репрезентаций в центре структуры и на перифериях. В настоящей статье представлены результаты анализа структуры репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры в обыденном сознании молодых тувинцев, и предлагается графическая модель данных структур.

Эмпирическая часть исследования, целью которого было выявление структуры репрезентаций тувинского языка, проводилась в 2024 г. Всего в нем приняли участие 63 студента-тувинца Тувинского государственного университета. Исследование структуры репрезентаций тувинской культуры, в котором приняло участие 72 тувинца в возрасте от 18 до 30 лет, было проведено в 2022 г. (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022).

Дизайн данных исследований в целом идентичен и включает пять этапов: написание эссе на тему «Что такое для меня тувинский язык/тувинская культура», формирование анкеты для последующей оценки структуры репрезентаций языка/культуры, анкетирование, применение блока математических методов для анализа данных анкетирования, анализ и интерпретация полученных результатов. При проведении исследования мы работали с информантами-билингвами с разным уровнем и типами билингвизма и билингвальности / транслингвальности¹. Следовательно, полноценный валидный анализ когнитивных структур, к которым относятся и репрезентации, предполагает исследование как тувиноязычной, так и русскоязычной картин мира. Однако объем статьи не позволяет полноценно представить обе картины мира, поэтому мы ограничили наш предмет исследования структурой представлений о данных феноменах у молодых представителей тувинской культуры в их русскоязычной картине мира.

Язык и культура: теоретико-методологические основы исследования

Сопоставление репрезентаций языка и культуры в рамках одной статьи не случайно. Дело в том, что понятия языка и культуры в российском дискурсе связаны настолько тесно, что язык становится основным компонентом культуры и фактически отождествляется с ней. Не случайно в целом ряде законодательных актов Российской Федерации языки и культуры народов Российской Федерации упоминаются рядом².

Вместе с тем, с тридцатых годов XX в. официальный дискурс и практики национального, культурного и языкового строительства, оставаясь положительными по отношению к языкам, преимущественно были ориентированы на поддержку и развитие культур. Престиж и, что важнее, присутствие в социуме форм национальных / этнических культур были безусловны и высшей степени зна-

¹ О соотношении понятий билингвизма/транслингвизма и билингвальности/транслигвальности см.: Бахтиреева, 2016.

² Конституция Российской Федерации. Статья 68. Статья 69. [Электронный ресурс] // Конституция РФ. URL: <https://constrf.ru/razdel-1/glava-3/st-68-krf> (дата обращения: 08.05.2024); Федеральный закон № 74 о «Национально-культурной автономии» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/9578/page/1> (дата обращения: 08.05.2024); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 17.05.2024).

чимы на протяжении всего периода существования СССР и после его распада. Что же касается национальных языков, то их функциональный потенциал непрерывно сокращался, а вместе с ним снижался их престиж. Этот процесс явно обозначился в шестидесятые годы XX в. и продолжался до распада СССР. В годы перестройки в стране начался этап языкового активизма и связанного с ним языкового возрождения, которые, однако, не привели к процессам языковой нормализации (в терминах каталонской социолингвистической школы: Aracil, 1976; Vallverdú, 1977; Boyer, 2012). Продолжилась, а во многих случаях и ускорила, диффузия в области функционирования национальных / этнических языков. При высоких показателях символической лояльности носителей к своим родным языкам инструментальные типы лояльности неизменно снижались (Москвичева, Вио, Замалетдинов, 2023). Сохранность национальных / этнических культур была значительно выше, хотя в этой области шли процессы так называемой «фольклоризации» культуры. В основе этих процессов лежал целый ряд причин экономического, политического, идеологического характера, которые вместе привели к особой концептуализации и структурированию понятия «язык» и «культура».

Согласно нашей гипотезе, обыденные представления тувинцев о тувинской культуре организованы в соответствии со строго упорядоченной латентной, структурой, в которой явно вычленяются отдельные компоненты, центральное и периферийные ядра. Именно наличие данной, хотя и неотрелескированной в обыденном сознании структуры, приводит к тому, что дефиниция понятия «культура» лежит в поле логических определений, а сам феномен хорошо осознается ее носителями и присваивается ими. Когнитивное поле языка представляет собой атомарную структуру, часто определяется при помощи атрибутивных конструкций аффективной природы или же метафорическими конструкциями. Язык, безусловно, любят, но значительно реже «присваивают».

Такие типы структурирования этих когнитивных полей имеют самое прямое отношение и влияние как на социолингвистическую динамику этнических языков, так и на социокультурную динамику. Также они определяют и эффективность мер по поддержке языков и культур. Представляется, что культурная политика в целом коррелирует со структурой «поля культуры» как в отношении ее компонентов, так и в отношении связей, существующих в структуре. А это означает, что она соответствует представлениям носителей национальных / этнических культур (в том числе и тувинской) относительно того, что нужно делать для ее поддержания. Поле языка оказывается значительно менее определенным, отсюда и неопределенность как в обыденных дискурсах носителей языка о его судьбе (Дырхеева, Цыбенова, 2020), так и в идеологиях языковой политики и формах языкового планирования, которые, как правило, сводятся к попыткам воздействия на функциональный потенциал языка через систему образования (Каплунова, 2022). Думается, что это правильный и, возможно, наиболее эффективный и реалистичный путь сохранения языка, но при условии разработки образовательного контента, соответствующего потребностям носителей языка. Понимание глубинной структуры репрезентаций языка и культуры как раз и может способствовать разработке адекватных ситуации мер по их сохранению, но, главное, их полноценному функционированию в тувинском социуме.

Методология проведения исследования

Для исследования представлений молодых тувинцев о тувинском языке применялась комплексная методика, совмещающая качественные и количественные методы, в том числе включающая математический аппарат для обработки данных анкет и построения графической модели структуры репрезентаций с последующей качественной и количественной интерпретацией полученных результатов¹. Данная методика представляет собой модифицированный вариант многоуровневой методики анализа репрезентаций (Москвичева, Александрова, Бруффардс, 2023) и модифицированную методику комбинированного анализа представлений Б. Морера и П.-А. Деруссо (Maurer, Desrousseaux, 2013). Последняя уже была частично использована в ходе анализа репрезентаций тувинской культуры (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022). Однако следует учесть, что в предыдущем нашем

¹ Математические методы анализа, в частности, статистические методы, широко используются, а часто являются строго обязательными, в современных гуманитарных науках. Особенностью нашего исследования является не столько факт применения математических методов, сколько комплексный подход, включающий, в том числе, количественные методы, к анализу структуры репрезентаций языка и культуры. Методологически близкими к нашим исследованиям являются работы: Maurer, 2011; Urdapilleta, Lo Monaco, 2015; Глухова, Глухов, 2009.

исследовании анализ репрезентации тувинской культуры проводился с целью выявления иерархической структуры поля репрезентаций, поиска ядра структуры, ближней и дальней периферий. Цель данного исследования лежит в иной плоскости и сводится к определению типа структур репрезентаций тувинского языка и культуры, что, в первую очередь, предполагает выявление степени связности ее элементов. Такая постановка вопроса требует модификации применяемых методик при сохранении общих методологических принципов, основные из которых следующие:

1. Предполагается, что репрезентации образуют иерархическую структуру в когнитивном пространстве, которое можно называть полем репрезентаций (в нашем случае поле репрезентаций «Тувинский язык» / «Тувинская культура»);

2. Центр структуры задает норму и смыслы, обеспечивающие стабильность и сохранность поля репрезентаций в социуме, а периферия обеспечивает гибкость и возможность для каждого индивида включиться в процесс присвоения когнем в той форме и области, которые ему ближе;

3. Анализируется когнитивная структура представлений о языке, а не семантика отдельных утверждений;

4. Поскольку речь идет о когнитивной структуре в исследовании используется понятие «когнema», как абстрактный родовой термин для когнитивных структур различного типа, в том числе и для репрезентаций;

5. Понятия «репрезентация» и «представление» используются как синонимы, однако при необходимости сохранить строго терминологический смысл понятий, предпочтение отдается термину «репрезентация»;

6. Когнитивные структуры билингвов на разных языках (в нашем случае — на тувинском и русском) могут быть различными;

7. Методика исследования не направлена на оценивание самих репрезентаций. Ее задачей является ранжирование и структурирование их таким образом, чтобы все репрезентации разделились на два класса с равным количеством репрезентаций справа и слева от 0 по оси X абсцисс;

8. Положительная или отрицательная оценка свидетельствует не о том, насколько «хорошее» или «плохое» явление стоит за данной номинацией, а исключительно о том, какое место занимает данная репрезентация в структуре, насколько она значима и «прототипична» (Rosch, 1978) для молодых тувинцев как часть полей «Тувинская культура» и «Тувинский язык».

Исследование относилось к эмпирико-индуктивному типу и проводилось в пять этапов, которые состояли из формирования анкеты, проведения анкетирования, обработки результатов анкетирования заранее разработанным математическим аппаратом, построения графической модели репрезентаций, интерпретации полученных результатов.

Формирование анкеты и проведение анкетирования

На первом этапе исследования была сформирована анкета по методике, уже использованной для анализа поля репрезентаций тувинской культуры (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022). Для получения первоначального списка представлений о тувинском языке у молодого поколения респондентам в возрасте от 18 до 30 лет было предложено написать небольшие эссе на тему «Что такое для меня тувинский язык».

На написание эссе отводилось 10–15 минут. Всего нами было получено 38 эссе, написанных на русском языке, поскольку анализировалась русскоязычная картина представлений о родном языке и культуре. Необходимое количество текстов эссе определялось уровнем насыщения данных, о котором свидетельствует отсутствие в новых текстах принципиально новых репрезентаций. Далее тексты были проанализированы методом открытого и осевого кодирования (Strauss, Corbin, 1998) для выявления наиболее частотных и репрезентативных классов высказываний о тувинском языке.

В *таблице 1* приведены двадцать утверждений анкеты «Репрезентации тувинского языка», полученные в результате процедур обработки эссе. ИмPLICITно данная анкета содержит четыре класса кодов: «Что есть язык» (когнемы 1 и 20); «Какой он» (когнемы 6 и 16 представляют объективные качества; когнемы 7, 9, 8, 18, 19 — субъективную оценку свойств языка); «Какие у него функции» (когнемы 2 и 10 отражают функцию языка как связи времен, прошлого и будущего; когнемы 11 и 14 —

как связи общества; когнемы 4, 5, 12, 15, 17 репрезентируют основной контент, который транслирует язык); «Как мы относимся к своему языку» (когнемы 3 и 13). В анкете все утверждения были даны в одной из предложенных в эссе оригинальных формулировок.

Отметим, что в анкете не была приведена репрезентация «Тувинский язык — это мой родной язык», которая, безусловно, была самой частотной в текстах эссе. Это сделано вполне осознанно, поскольку одной из задач исследования как раз и было посмотреть содержание и структуру понятия «родной язык», и прямая формулировка утверждения исказила бы структуру представлений о данном феномене. По этой же причине мы избегали репрезентаций типа «Тувинский язык — это мой любимый язык». Как представляется, аффективную компоненту структуры репрезентаций следует искать через косвенные утверждения. В текстах эссе мы не нашли отрицательных характеристик языка, поэтому все когнемы, вошедшие в анкету, положительные и отличаются высокой степенью эмоциональной окрашенности и включенности респондентов.

Таблица 1. Список репрезентации поля «Тувинский язык»
Table 1. List of representations of the field “Tuvan language”

Номер	Репрезентация
1	«Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений»
2	«Связь между прошлым и будущим»
3	«Уважение друг к другу и другим народам»
4	«Отражение нашей самобытной культуры»
5	«Песни, рассказы и сказки наших предков»
6	«Язык с особыми звуками, с тувинской фарингализацией»
7	«Современный язык, который развивается»
8	«Совершенно уникальный и особенный язык, не похожий на другие»
9	«Очень красивый язык»
10	«Связь между предками, связь с моими корнями»
11	«Государственный язык Республики Тыва»
12	«Он выражает любое состояние души: боль, скорбь, радость, разочарование»
13	«Наша гордость»
14	«Инструмент для общения между разными людьми»
15	«Отражение традиций и обычаев нашей Родины»
16	«Влияние монгольского языка — главное отличие от других тюркских языков»
17	«Вся история моего народа»
18	«Богатый язык, в нем тысячи прекрасных слов»
19	«Трудный язык»
20	«Наша природа: степи, горы, леса»

Поскольку исследование нацелено на русскоязычную концептуализацию и сравнение репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры, далее в таблице 2 приводятся утверждения анкеты «Репрезентации тувинской культуры», на основании которой в 2022 г. проводилось исследование структуры репрезентаций поля «Тувинская культура» (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 168).

Таблица 2. Список репрезентаций поля «Тувинская культура»
Table 2. List of representations of the field “Tuvan Culture”

Номер	Репрезентация
1	«Почет и уважение к старшему поколению»
2	«Тувинские песни (теректер, ынакшыл-дыр ол)»
3	«Родной тувинский язык»
4	«Национальный вид спорта хуреш»
5	«Тува- центр Азии»
6	«Обряд хылбык дой»
7	«Гостеприимство и забота о близких»
8	«Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное отношение к ней»
9	«Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»
10	«Традиционные конные скачки»
11	«Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)»

12	«Национальные костюмы, где все продумано до мелочей»
13	«Горловое пение»
14	«Национальные блюда»
15	«Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)»
16	«Национальная игра <i>тевек</i> »
17	«Национальные праздники (<i>Шагаа, Наадым</i>)»
18	«Кочевой образ жизни и скотоводство»
19	«Фестиваль <i>Устуу-Хурээ</i> »
20	«Традиции, передающиеся из поколения к поколению»

Второй этап исследования представлял собой собственно анкетирование и проводился в апреле 2024 г. среди студентов Тувинского государственного университета. Методика проведения анкетирования подробно описана в нашей статье (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 168–169).

Всего было собрано 87 анкет, из которых корректно заполненными оказались 63. Напомним, что респондентам было предложено выбрать четыре утверждения анкеты и оценить их в +2 (как максимально соответствующие представлениям респондента), затем выбрать четыре утверждения и оценить их в –2 (как минимально соответствующие), далее выбрать еще четыре утверждения оценить в +1, и, наконец, еще четыре утверждения следовало оценить в –1, а четыре утверждения должны остаться без оценки. Таким образом, при соблюдении данной методики данные неизбежно поляризуются и относительно равномерно распределяются по шкале между положительными и отрицательными полюсами. Интересно, что во всех анкетах, которые мы были вынуждены признать негодными для дальнейшего анализа, недостаток был один и тот же: более чем четыре утверждения (иногда все) оказались оценены в +2. При этом не было анкет, где оценка –2 фигурировала бы более 4 раз.

Применение математического аппарата к обработке данных

На третьем этапе исследования данные, собранные методом анкетирования, анализировались по трем критериям: индексу оценки репрезентации (маркер значимости репрезентации), индексу консенсуса (маркер отношения группы респондентов) и индексу дистанции (маркер структурной организации и когнитивной близости репрезентаций относительно друг друга) (Maurer, 2013). Из трех перечисленных индексов только первый (индекс оценки) использовался без изменений по сравнению с нашими предыдущими исследованиями и, как и прежде, рассчитывался по формуле среднего арифметического. Второй и третий индексы определены иначе: индекс консенсуса, определяющий степень согласия респондентов в оценке той или иной когнемы, рассчитан по формуле среднего квадратического отклонения, а индекс дистанции между когнемами, ориентированный на респондентов и их общую степень согласия с оценкой той или иной репрезентации, рассчитывался по формуле Морера-Деруссо (Maurer, 2013).

1. Формула для расчета **индекса оценки** репрезентации имела следующий вид:

$$\bar{x}_j = \frac{1}{N} \times \sum_{i=1}^N x_{i,j}$$

Где N означает количество респондентов, а $x_{i,j}$ — оценка одним любым респондентом одной репрезентации.

Индекс оценки показывает, насколько данная репрезентация значима для респондентов. Чем выше его значение, тем более значимой оказывается данная репрезентация для носителей тувинского языка и культуры. В нашем случае максимальное значение показателя оценки составляло +2, минимальное было –2. Индекс оценки является основным показателем при выявлении иерархической структуры поля репрезентаций, а именно ядра структуры и ее ближней и дальней периферий.

2. **Индекс дисперсии оценки (показатель консенсуса)** измеряет степень различий между оценкой индивидами той или иной когнемы и средней оценкой по выборке. Он дает информацию о позиции и установках (аттитюдах) респондентов в отношении репрезентаций и позволяет делать выводы о степени поляризованности мнений. Чем меньше показатели индекса дисперсии оценки, тем выше согласие общества в оценке ее места в структуре репрезентаций, и наоборот.

Индекс дисперсии оценки рассчитывался по формуле среднего квадратического отклонения:

$$\sigma_i = \sqrt{\frac{1}{N} \cdot \sum_{i=1}^N (x_{i,j} - \bar{x}_j)^2}$$

В нашем случае индекс дисперсии оценки измеряется от 0 (полное согласие мнений) до 2 (полное расхождение мнений).

3. **Индекс дистанции** социальных представлений в разных системах расчета применяется в работах по психологии (Abric, 1994; Guimelli, 1994; Jodelet, 1989; и др.), откуда он и был заимствован. В отличие от индекса оценки и индекса консенсуса, которые ориентированы, собственно, на репрезентации и являются математическим выражением их характеристик, индекс дистанции ориентирован на респондентов и оценивает их когнитивное поле. Данный индекс рассчитывается по каждому респонденту отдельно и показывает, какое место те или репрезентации занимают в его сознании. Далее эти данные сводятся по всем респондентам.

Еще раз подчеркнем, что речь не идет о семантической близости анализируемых представлений, хотя семантическая близость безусловно может привести к близкой оценке их места в структуре представлений. Речь идет строго о сравнении места и степени значимости репрезентаций в картине мира респондента без обращения к их семантике. Мы полностью разделяем идеи, высказанные в работах П. Молине, П. Рато и В. Коэн-Скали, к которым индекс дистанции обосновывается исходя из предположения, что если большое количество респондентов одинаково оценивают два различных элемента, это означает, что эти два утверждения в равной степени важны для характеристики объекта, и, следовательно, можно утверждать, что эти два элемента или сходны, или в высокой степени связаны друг с другом (Moliner, Rateau, Cohen-Scali, 2002: 121).

Индекс дистанции вычисляется по формуле:

$$D_{jA,jB} = \sqrt{\frac{1}{N} \cdot \sum_{i=1}^N (x_{i,jA} - x_{i,jB})^2}$$

Где $D_{jA,jB}$ означает индекс дистанции между когнемой jA и когнемой jB , а $x_{i,jA}$ и $x_{i,jB}$ — оценки индивидом x когнем A и B .

Индекс дистанции расположен на отрезке от 0 до 4. Показатель 0 означает максимальную близость репрезентаций, показатель 4 — максимальную дистанцию между репрезентациями.

Итак, индекс дистанции показывает степень близости / удаленности репрезентаций в сознании носителя языка и является необходимым параметром, если решается задача анализа структуры поля социальных представлений, к которым относятся репрезентации языка и культуры, поскольку именно он показывает степень связанности ее элементов.

На четвертом этапе исследования на основании трех индексов была построена графическая модель структуры поля репрезентаций тувинского языка и культуры. Структура репрезентаций тувинской культуры ранее уже анализировалась (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022), однако, в связи с иной целью данного исследования и модификацией методики, мы приняли решение представить новые данные расчетов по структуре представлений о тувинской культуре. В исследовании 2022 г. стояла задача выявить центр и периферию поля представлений о культуре, для решения которой использовались несколько другие методы первичной статистической обработки материала анкет. Форма представления данных также отличалась от той, которую мы предлагаем в данной работе. В статье 2022 г. акцент был смещен на сравнение структуры поля «тувинская культура» у молодого и старшего поколения тувинцев, в данной статье сравниваются структуры представлений о тувинском языке и культуре только у молодого поколения.

Анализ репрезентаций тувинского языка и культуры по трем индексам: индексу оценки репрезентаций, индексу дисперсии оценки и индексу дистанции

1. Индексы оценки репрезентаций

А. «Тувинский язык»

Индекс оценки тувинского языка приведен в *таблице 3*. Цифры в верхней строчке таблицы совпадают с нумерацией репрезентаций в анкете (см. *таб. 1*).

*Таблица 3. Индекс оценки репрезентации «Тувинский язык»
Table 3. Index of assessment of the representation of the field “Tuvan language”*

Репрезентация	19	14	17	7	12	16	20	15	10	9
Показатель	-0,921	-0,889	-0,587	-0,556	-0,397	-0,397	-0,397	-0,222	-0,063	0,079
Репрезентация	18	13	2	3	8	6	11	5	4	1
Показатель	0,159	0,175	0,286	0,333	0,413	0,603	0,651	0,651	0,683	1,476

Предварительный анализ показывает, что репрезентация 1 («Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений») получает наиболее высокую оценку. Между данной когнемой и следующей — 4 («Отражение нашей самобытной культуры») — наблюдается существенный разрыв. Далее, шкала оценки плавно понижается без существенных скачков. Плавное снижение индекса оценки говорит о более или менее равномерном распределении мнений в обществе и достаточно гомогенной структуре репрезентаций, в которой границы между когнемами размыты. Небольшие скачки также отмечаются между репрезентацией 6 («Язык с особыми звуками, с тувинской фарингализацией») и репрезентацией 8 («Совершенно уникальный и особенный язык, не похожий на другие»), а также между 17 («Вся история моего народа») и 14 («Инструмент для общения между разными людьми»). Репрезентации 14 и 19 («Трудный язык») оцениваются существенно ниже остальных, однако, учитывая, что минимальная возможная оценка равна -2, эти показатели не являются экстремально низкими.

Б. «Тувинская культура» (ТК)

В *таблице 4* приведены индексы оценки тувинской культуры. Напомним, что исходные данные были взяты из наших анкет 2022 г. и пересчитаны по изложенной выше методике. Учитывались данные по 72 респондентам 1 возрастной когорты (18–30 лет). Цифры в верхней строчке соответствуют номинациям репрезентаций «Тувинская культура», приведенным в *таблице 2*.

*Таблица 4. Индекс оценки по репрезентации «Тувинская культура»
Table 4. Index of assessment for the representation of the field “Tuvan culture”*

Репрезентация	2	9	19	15	16	18	6	5	7	10
Показатель	-1,83	-1,63	-1,22	-0,47	-0,26	-0,26	-0,19	-0,19	-0,10	0,03
Репрезентация	11	12	14	1	4	20	17	8	13	3
Показатель	0,32	0,35	0,36	0,56	0,68	0,71	0,90	0,93	1,08	1,64

Предварительный анализ данных показывает, что в поле «Тувинская культура» большее количество репрезентаций получает высокую оценку: безусловным лидером является репрезентация 3 («Родной тувинский язык»). Высоко оценивается репрезентация 13 («Горловое пение»), также репрезентация 8 («Природа (...) и бережное отношение к ней») и 17 («Национальные праздники (*Шагаа*, *Наадым*)»). В отличие от когнитивного поля «Тувинский язык» здесь три когнемы получили низкую оценку: репрезентация 2 («Тувинские песни (*теректер*, *ынакшыл-дыр ол*)»), 9 («Конкурс красоты и

мужества «Тажы биле Даңгына»), 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»). В данной методике низкая оценка не обязательно говорит о неприятии феномена, стоящего за репрезентацией, поскольку оценивается, как мы уже сказали, не семантика когнемы как таковой, а ее место в структуре поля репрезентаций. Оценка снижается относительно плавно, однако шаг между когнемами в целом больше, чем в оценках репрезентаций языка. Это свидетельствует о более выраженных границах между когнемами и более четкой структуре репрезентаций. Значимые скачки отмечены между репрезентациями 3 («Родной тувинский язык») и 13 («Горловое пение»), 15 («Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)») и 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»).

Для создания модели, представляющей структуру репрезентаций в зависимости от показателей индекса оценки, предлагается распределить когнемы по трем уровням: $-2 \leq x \leq -1$ низкая оценка (III уровень), $-1 < x \leq +1$ средняя оценка (II уровень), $+1 < x \leq +2$ (высокая оценка) (I уровень). В сводной таблице 5 приведено распределение репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» по трем уровням в зависимости от индекса оценки.

Таблица 5. Распределение по уровням репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» в зависимости от индекса оценки

Table 5. Distribution by levels of representations of the field “Tuvan language” and “Tuvan culture” depending on the assessment index

	Уровень оценки	Репрезентации поля «Тувинский язык»	Репрезентации поля «Тувинская культура»
I.	Высокий $+1 < x \leq +2$	1	3, 13
II.	Средний $-1 < x \leq +1$	4, 5, 11, 6, 8, 3, 2, 13, 18, 9, 10, 15, 20, 16, 12, 7, 17, 14, 19	8, 17, 20, 4, 1, 14, 12, 11, 10, 7, 5, 6, 18, 16, 15
III.	Низкий $-2 < x \leq -1$	–	19, 9, 2

Сравнение данных в таблице 5 показывает наличие существенных различий в распределении репрезентаций по индексу оценки в поле «Тувинская культура» и поле «Тувинский язык». Абсолютное большинство репрезентаций в обоих полях попадают на второй уровень (средняя оценка), однако в поле «Тувинская культура» выделяется ядро поля (когнемы 3 («Родной тувинский язык») и 13 («Горловое пение»)) и дальняя периферия — 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»), 9 («Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»), 2 («Тувинские песни (теректер, ынакшыл-дыр ол)»). В поле «Тувинский язык» имеется одна ядерная репрезентация (1 — «Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений»), но отсутствует важная составляющая структуры, а именно, дальняя периферия.

В структуре репрезентаций языка и культуры дальняя периферия может играть весьма важную прогностическую роль: часто она формирует своеобразное «антиядро», которое при определенных условиях способно задавать новые смыслы и векторы исследуемому полю. Так, например, в случае с полем «Тувинская культура» в зоне дальней периферии оказались репрезентации 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»), 9 («Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»), 2 («Тувинские песни (теректер, ынакшыл-дыр ол)»), которые связаны с использованием традиционной культуры в различных видах культурного досуга и / или творчества. Низкая оценка данных репрезентаций едва ли обусловлена неприятием данных форм культуры обществом. Скорее наоборот, судя по публикациям в Интернете¹ подобные мероприятия вызывают интерес и очень хорошо воспринимаются тувинской, и не только тувинской, общественностью. Важно другое: для молодых тувинцев «настоящая» тувинская культура концептуализируется только как традиционная, то есть идущая из прошлого. Однако

¹ Устуу-Хурээ. 9–11 июля [Электронный ресурс] // Устуу-Хурээ. URL: <http://ustuhure.com/index.php?start=90> (дата обращения: 19.06.2024); Устуу-Хурээ [Электронный ресурс] // Маршруты. URL: <https://www.marshruty.ru/event/ustuhure/> (дата обращения: 18.06.2024).

«антиядро» тувинской культуры может способствовать созданию иного образа культуры или расширению старого. Показательно, что никакого «антиядра» у поля «Тувинский язык» нет и, как мы и предполагали, в настоящих условиях и не может быть: родной язык слишком важное и дорогое понятие для народа, но, в то же время, плохо поддающееся как структуризации, так и дефиниции.

2. Консенсус: индекс дисперсии оценки

Индекс консенсуса измерялся в интервале от |0 до 2|, где 0 соответствует полному согласию в распределении мнений, а 2 — полному несогласию.

А. «Тувинский язык»

Индекс дисперсии оценки по репрезентациям тувинского языка представлен в таблице 6.

Таблица 6. Индекс дисперсии оценки по репрезентациям «Тувинский язык»
Table 6. Index of variance of the assessment for the representations of the field “Tuvan language”

Репрезентация	2	8	13	14	4	16	17	10	20	12
Показатель	1,53	1,39	1,39	1,38	1,37	1,35	1,34	1,33	1,33	1,32
Репрезентация	11	5	9	19	3	15	6	18	7	1
Показатель	1,30	1,30	1,29	1,25	1,24	1,20	1,14	1,12	1,09	0,96

В первом приближении данные говорят, что наибольшее согласие мнений отмечено в отношении репрезентации 1 («Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений»), которая также обладает высоким индексом оценки, что позволяет ее рассматривать в качестве ядерной репрезентации в поле «Тувинский язык». Уровень согласия по подавляющему большинству когнем невысокий. Наибольшие разногласия вызывает оценка репрезентации 2 («Связь между прошлым и будущим»).

Б. «Тувинская культура»

В таблице 7 приведены данные по индексу дисперсии оценки, рассчитанные по формуле среднего квадратического отклонения.

Таблица 7. Индекс дисперсии оценки по репрезентациям «Тувинская культура»
Table 7. Index of variance of the assessment for the representations of the field “Tuvan culture”

Репрезентация	5	20	11	18	8	1	12	6	7	19
Показатель	1,52	1,42	1,40	1,35	1,33	1,32	1,20	1,18	1,11	1,06
Репрезентация	9	10	2	13	3	14	17	15	4	16
Показатель	1,06	1,04	1,02	1,01	1,00	0,98	0,97	0,92	0,89	0,84

Наименьшее значение индекса дисперсии оценки (0,84)¹ в поле «Тувинская культура» имеет репрезентация 16 («Национальная игра тевек»). Высокий уровень согласия наблюдаются также у репрезентаций 4 («Национальный вид спорта хуреш»), 15 («Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)»), 17 («Национальные праздники (Шагаа, Наадым)») и 14 («Национальные блюда»).

При построении модели структуры репрезентаций, совмещающей три индекса, в зависимости от коэффициента дисперсии были выделены пять групп репрезентаций: $1,5 \leq x \leq 2$ — низкий уровень консенсуса (V), $1,2 \leq x < 1,5$ — условно низкий уровень консенсуса (IV), $1 \leq x < 1,2$ — средний уровень консенсуса (III), $0,5 \leq x < 1$ — условно высокий уровень консенсуса (II), $0 < x < 0,5$ (I) — высокий уровень. Такая градация уровней консенсуса в известной степени произвольна и условна. Теоретически, в зависимости от целей и задач исследования можно выбрать другие интервалы. Однако данная гра-

¹ Соответствует высокому уровню согласия.

дация хорошо согласуется с полученными нами данными по разным регионам и удобна в процессе интерпретации данных. В *таблице 8* приведено распределение репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» по пяти уровням в зависимости от уровня консенсуса.

Таблица 8. Распределение по уровням репрезентаций поля «Тувинский язык» и «Тувинская культура» в зависимости от индекса консенсуса

Table 8. Distribution by levels of representations of the fields “Tuvan language” and “Tuvan culture”, depending on the consensus index

	Уровень консенсуса	Репрезентации поля «Тувинский язык»	Репрезентации поля «Тувинская культура»
I.	Высокий $0 < x < 0,5$	–	–
II.	Условно высокий $0,5 \leq x < 1$	1	16, 4, 15, 17, 14
III.	Средний $1 \leq x < 1,2$	7, 18, 6, 15	3, 13, 2, 10, 9, 19, 7, 6, 12
IV.	Условно низкий $1,2 \leq x < 1,5$	3, 19, 9, 5, 11, 12, 20, 10, 17, 16, 4, 14, 13, 8	1, 8, 18, 11, 20
V.	Низкий $1,5 \leq x \leq 2$	2	5

Из *таблицы 8* видно, что репрезентации полей «Тувинский язык» и «Тувинская культура» в зависимости от индекса дисперсии оценки распределяются не симметрично относительно друг друга. Подавляющее большинство (четырнадцать из двадцати) репрезентаций поля «Тувинский язык» оказались на IV уровне (условно низкое согласие). В поле «Тувинская культура» таковых оказалось только пять. На среднем (III) и условно высоком (II) уровнях согласия оказалось четырнадцать репрезентаций поля «Тувинская культура» и только пять поля «Тувинский язык». Высокие показатели индекса дисперсии оценки свидетельствуют об определенной аморфности структуры репрезентаций, поскольку респонденты испытывают колебания и по-разному определяют место в структуре той или иной репрезентации. Напротив, чем ниже показатели индекса дисперсии оценки, тем выше согласие общества относительно места, которое занимает репрезентация в структуре, а следовательно, тем жестче и упорядоченнее сама структура. Поле репрезентаций «Тувинская культура» предстает как более структурированное, чем поле «Тувинский язык».

3. Индекс дистанции между репрезентациями

Теоретически при анализе структуры репрезентаций можно учесть все связи по всем когнемам, но практического смысла в этом нет. Во-первых, в зависимости от целей анализа, наиболее важны или минимальные дистанции, или же, наоборот, максимальные, поскольку именно они выявляют ядерные и системоорганизующие репрезентации. Во-вторых, анализ всех связей сделает работу неоправданно громоздкой, а график-модель нечитаемой. Договоримся, что мы будем учитывать индекс дистанции $< 1,5$ ¹.

А. «Тувинский язык»

Матрица показателей индекса дистанции по всем репрезентациям поля «Тувинский язык» приведена на *рисунке 1*. Чем меньше показатель индекса дистанции, тем выше связь между репрезентациями и тем ближе их места в структуре репрезентаций.

¹ Коэффициент 1,5 использует в своих работах Б. Морер (Maurer, Desrousseau 2013), что позволяет сравнивать результаты нашего анализа с анализом других языковых ситуаций.

	Pen. 1	Pen. 2	Pen. 3	Pen. 4	Pen. 5	Pen. 6	Pen. 7	Pen. 8	Pen. 9	Pen. 10	Pen. 11	Pen. 12	Pen. 13	Pen. 14	Pen. 15	Pen. 16	Pen. 17	Pen. 18	Pen. 19	Pen. 20
Pen. 1	-	-																		
Pen. 2	2,142	-																		
Pen. 3	1,952	1,686	-																	
Pen. 4	1,522	1,972	1,764	-																
Pen. 5	1,709	1,956	1,727	1,553	-															
Pen. 6	1,714	1,755	1,667	1,638	1,464	-														
Pen. 7	2,557	2,236	1,976	2,397	2,303	2,127	-													
Pen. 8	1,795	1,927	1,704	1,777	2,012	1,935	2,119	-												
Pen. 9	2,108	2,164	1,834	2,070	1,860	1,890	1,727	2,250	-											
Pen. 10	2,374	2,116	1,686	2,089	1,856	1,755	2,012	2,078	1,923	-										
Pen. 11	1,773	2,051	2,008	1,782	1,834	1,517	2,160	2,127	2,146	2,089	-									
Pen. 12	2,462	1,964	2,131	2,384	2,225	1,980	1,791	2,051	1,852	1,956	2,047	-								
Pen. 13	1,944	2,299	2,131	1,894	2,016	2,020	2,024	2,157	1,690	2,020	2,024	1,927	-							
Pen. 14	2,984	2,417	2,327	2,803	2,658	2,309	1,363	2,462	2,112	2,197	2,394	2,035	2,327	-						
Pen. 15	2,285	2,070	1,628	1,915	1,741	1,799	1,856	2,047	1,931	1,380	1,864	1,873	1,996	2,204	-					
Pen. 16	2,449	2,320	1,984	2,316	2,078	2,035	1,755	2,020	2,031	1,864	2,168	1,782	2,153	1,940	1,786	-				
Pen. 17	2,576	2,440	2,160	2,254	2,303	2,347	1,604	2,043	1,960	1,931	2,309	1,976	1,553	1,931	1,695	2,070	-			
Pen. 18	1,948	1,834	1,714	1,864	1,768	1,594	1,750	1,911	1,657	1,886	1,695	1,795	1,667	1,927	1,543	1,972	1,839	-		
Pen. 19	2,963	2,443	2,327	2,763	2,529	2,268	1,228	2,364	2,127	2,101	2,243	1,759	2,250	1,425	1,968	1,915	1,695	1,302	-	
Pen. 20	2,631	2,472	2,204	2,443	2,146	2,089	1,681	2,299	1,935	1,881	2,031	1,690	1,911	1,599	1,839	1,834	1,952	1,397	1,750	-

Рисунок 1. Индекс дистанции между репрезентациями «Тувинский язык»
 Figure 1. The index of distance between representations of the field “Tuvan language”

Прим.: В первом столбике и в первой строке матрицы приведены репрезентации языка. Номер репрезентации соответствует номеру в списке репрезентаций (см. таб. 1). Значимые дистанции выделены полужирным шрифтом.

В таблице 9 приведены все пары репрезентаций поля «Тувинский язык», индекс дистанции между которыми не превышает значения 1,5. При построении графика для визуализации структуры репрезентаций поля «Тувинский язык» учитывались данные репрезентации.

Таблица 9. Значимые индексы дистанции между репрезентациями поля «Тувинский язык»
 Table 9. Significant distance indices between representations of the field “Tuvan Language”

Репрезентации	7-19	18-19	10-15	7-14	18-20	14-19	5-6
Индекс	1,228	1,302	1,380	1,363	1,397	1,425	1,464

В поле репрезентаций «Тувинский язык» только в семи парах репрезентаций отмечены тесные связи, означающие близость их позиции в когнитивной структуре. Незначительное количество пар репрезентаций с низкими показателями дистанции также говорит о слабой структурированности данного поля репрезентаций.

Б. Тувинская культура

Перейдем к индексам дистанции поля «Тувинская культура». Матрица показателей индекса дистанции по всем когнемам поля «Тувинский культура» приведена на рисунке 2.

	Pen. 1	Pen. 2	Pen. 3	Pen. 4	Pen. 5	Pen. 6	Pen. 7	Pen. 8	Pen. 9	Pen. 10	Pen. 11	Pen. 12	Pen. 13	Pen. 14	Pen. 15	Pen. 16	Pen. 17	Pen. 18	Pen. 19	Pen. 20
Pen. 1	-	-																		
Pen. 2	2,550	-																		
Pen. 3	1,997	3,093	-																	
Pen. 4	1,658	2,291	1,620	-																
Pen. 5	2,003	2,125	2,438	1,867	-															
Pen. 6	1,965	2,000	2,220	1,599	2,214	-														
Pen. 7	1,491	2,048	2,092	1,590	1,983	1,675	-													
Pen. 8	1,791	2,880	1,700	1,760	2,108	2,342	1,954	-												
Pen. 9	2,452	1,328	3,055	2,264	2,095	1,867	2,003	2,784	-											
Pen. 10	1,958	1,915	2,058	1,424	1,976	1,434	1,572	2,111	1,799	-										
Pen. 11	1,863	2,427	2,111	1,810	1,976	1,944	1,841	2,024	2,424	1,986	-									
Pen. 12	1,976	2,227	1,871	1,477	2,315	1,568	1,882	2,021	2,285	1,620	1,926	-								
Pen. 13	1,954	2,836	1,624	1,349	2,115	2,138	1,990	1,772	2,853	1,897	1,860	1,683	-							
Pen. 14	1,776	2,144	1,886	1,339	1,944	1,586	1,646	1,803	2,048	1,586	1,814	1,462	1,599	-						
Pen. 15	1,848	1,740	2,342	1,675	1,940	1,546	1,518	2,151	1,776	1,312	1,810	1,687	2,024	1,550	-					
Pen. 16	1,848	1,691	2,282	1,481	1,783	1,424	1,384	2,078	1,586	1,374	1,810	1,629	1,969	1,458	1,269	-				
Pen. 17	1,826	2,598	1,687	1,404	1,904	1,841	1,772	1,768	2,430	1,624	1,772	1,687	1,339	1,448	1,871	1,633	-			
Pen. 18	2,078	2,118	2,478	1,822	2,167	1,760	1,961	2,398	2,147	1,620	2,078	2,014	2,000	1,708	1,568	1,612	1,875	-		
Pen. 19	2,297	1,546	2,796	2,021	2,183	1,633	1,803	2,648	1,369	1,675	2,261	2,038	2,469	1,882	1,555	1,354	2,224	1,904	-	
Pen. 20	1,768	2,674	1,908	1,822	2,267	2,144	1,687	2,055	2,598	1,822	2,017	2,048	1,886	1,841	1,768	1,837	1,712	2,000	2,348	-

Рисунок 2. Индекс дистанции между репрезентациями «Тувинская культура»

Figure 2. The index of distance between representations of the field “Tuvan culture”

Прим.: В первом столбике и в первой строке матрицы приведены репрезентации языка. Номер репрезентации соответствует номеру в списке репрезентаций (см. таб. 2). Значимые дистанции выделены полужирным шрифтом.

В таблице 10 приведены пары репрезентаций поля «Тувинская культура» индекс дистанции, между которыми не превышает 1,5.

Таблица 10. Значимые индексы дистанции между репрезентациями поля «Тувинская культура»
Table 10. Significant indices of the distance between representations of the field “Tuvan Culture”

Репрезентация	15-16	10-15	2-9	4-14	13-17	4-13	16-19	9-19	10-16	7-16
Показатель	1,27	1,312	1,328	1,339	1,339	1,349	1,354	1,369	1,374	1,384
Репрезентация	4-17	4-10	6-10	14-17	14-16	4-12	12-14	4-16	1-7	
Показатель	1,404	1,424	1,434	1,448	1,458	1,477	1,462	1,481	1,491	

В отличие от поля репрезентаций «Тувинский язык» поле репрезентаций «Тувинская культура» очень хорошо структурировано: у девятнадцати пар репрезентаций индекс дистанции менее 1,5.

Перейдем к четвертому этапу исследования, который соответствовал построению модели структуры репрезентаций «Тувинский язык» и «Тувинская культура».

Модель структуры репрезентаций «Тувинский язык» и «Тувинская культура»: совмещение трех индексов

На рисунке 3 представлена графическая модель структуры репрезентаций, совмещающая индексы оценки, дисперсии оценки и дистанции для поля репрезентаций «Тувинский язык».

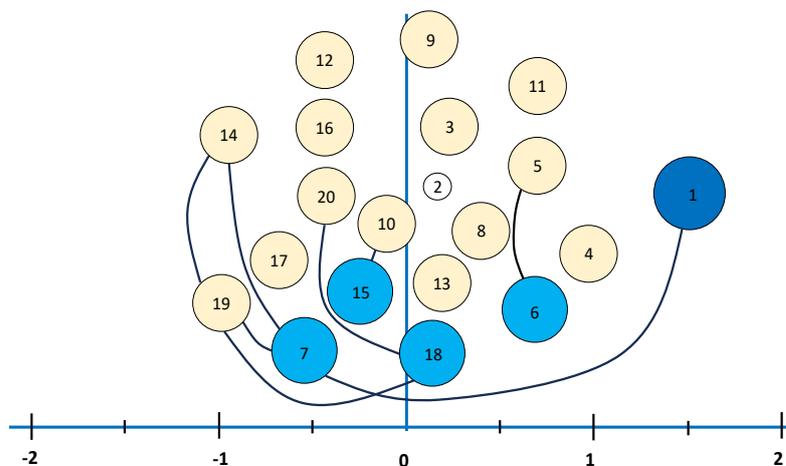

Рисунок 3. Графическая модель структуры репрезентаций поля «Тувинский язык»
 Figure 3. Graphical model of the structure of representations of the field “Tuvan Language”

Прим.: Ось X — показатели индекса оценки от -2 до +2; темно-синий круг — условно высокий уровень консенсуса II ($0,5 \leq x < 1$); голубой круг — средний уровень консенсуса III ($1 \leq x < 1,2$); кремовый круг — условно низкий уровень консенсуса (IV, $1,2 \leq x < 1,5$); белый круг — низкий показатель консенсуса (V, $1,5 \leq x \leq 2$); репрезентации с индексом дистанции меньше 1,5 соединены линиями.

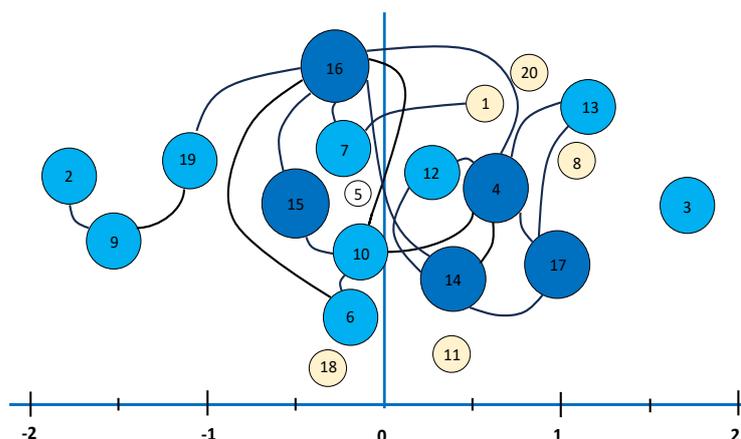

Рисунок 4. Графическая модель структуры репрезентация поля «Тувинская культура»
 Figure 4. Graphical model of the structure of the representation of the field “Tuvan culture”.

Прим.: Ось X — показатели индекса оценки от -2 до +2; темно-синий круг — условно высокий уровень консенсуса II ($0,5 \leq x < 1$); голубой круг — средний уровень консенсуса III ($1 \leq x < 1,2$); кремовый круг — условно низкий уровень консенсуса (IV, $1,2 \leq x < 1,5$); белый круг — низкий показатель консенсуса (V, $1,5 \leq x \leq 2$); репрезентации с индексом дистанции меньше 1,5 соединены линиями.

На рисунке 3 единственной рабочей осью является X. Ось ординат Y не использовалась при построении графика. По горизонтали (ось абсцисс X) расположены репрезентации тувинского языка по индексу оценки в интервале от -2 до +2. Показатели индекса консенсуса представлены при помощи размера и цвета круга: одна репрезентация (1) с условно высоким показателем консенсуса (II, $0,5 \leq x < 1$) изображена в круге темно-синего цвета с наибольшим диаметром; четыре когнемы (6, 8, 15, 18) со средним индексом консенсуса (III, $1 \leq x < 1,2$) изображены при помощи голубых кругов меньшего диаметра; когнемы с условно низкими (IV, $1,2 \leq x < 1,5$) показателем консенсуса представлены кругами кремового цвета; когнема 2 с низким показателем консенсуса (V, $1,5 \leq x \leq 2$) представлена в маленьком круге белого цвета.

На *рисунке 4* представлена графическая модель структуры репрезентаций поля «Тувинская культура».

При построении модели структуры репрезентаций тувинской культуры были использованы те же принципы и условные обозначения, что и построении модели структуры репрезентаций тувинского языка на *рисунке 3*.

Обсуждение результатов

На пятом этапе исследования была проделана работа по анализу и интерпретации полученных результатов. При описании организации структуры репрезентаций мы предлагаем учитывать как качественные, так и количественные параметры.

Относительно количественных параметров структуры репрезентаций представляется важным обсудить следующие вопросы:

1. Где преимущественно группируются репрезентации относительно 0 на оси абсцисс: симметрично по центру, со сдвигом вправо или влево;
2. Есть ли существенные выбросы той или иной репрезентации влево или вправо (экстремально высокие или низкие индексы оценки);
3. Какое количество связей (индекс дистанции $< 1,5$) имеется между репрезентациями;
4. Есть ли репрезентации, связанные сразу с несколькими другими репрезентациями и образующие пучки репрезентаций (индекс дистанции $< 1,5$).

Обсуждение качественных параметров предполагает рассмотрение следующих вопросов:

1. Какой тип семантических отношений преобладает в структуре репрезентаций: гипонимия или синонимия (метафорический перенос);
2. Категории какого уровня (высокого, среднего или низкого) (Rosch, 1978) преимущественно выбираются респондентами в качестве репрезентаций;
3. Какой тип репрезентаций является преобладающим: объективный / субъективный, аффективный / эвалюативный, аксиологический / неаксиологический (Kerbrat-Orecchioni 2006).

Тувинский язык. Репрезентации поля «Тувинский язык» группируются по центру графика (*рис. 3*) с небольшим сдвигом вправо от нулевого показателя по индексу оценки. Подавляющее большинство (семнадцать репрезентаций) лежит в интервале от $-0,6$ до $+0,7$, что, в целом, говорит о равно положительном восприятии данных репрезентаций. О равно положительном отношении также свидетельствует факт относительно высоких индексов дисперсии для основной массы репрезентаций ($1,2 \leq x < 1,5$), что говорит о разнообразии оценок когнем поля «Тувинский язык» среди респондентов. Однако это не экстремальные индексы дисперсии, следовательно, в обществе нет поляризации мнений.

В структуре репрезентаций тувинского языка только одна когнема 1 («Наш фундамент, начало нашей истории, колыбель поколений») имеет высокий индекс оценки (1,476). Эта же репрезентация обладает самым низким индексом дисперсии (0,96), что позволяет считать ее центральным ядром системы репрезентаций. Вместе с тем, у нее нет значимых связей с другими когнемами поля, что говорит о ее атомарности. У данной репрезентации показатели индекса дистанции имеют средние значения от 1,522 (1–4 «Отражение нашей самобытной культуры») до 2,984 (1–14 «Инструмент для общения между разными людьми»), что примерно соответствует индексам по всем другим парам репрезентаций матрицы. Таким образом, будучи центральным ядром представлений о языке, репрезентация 1 не является организующей и управляющей ядерной репрезентацией. Можно предположить, что безусловный выбор респондентами и высокая оценка данной репрезентации обусловлены ее максимально широкой и глубокой семантикой: в ней фокусируются все основные смыслы, связанные с понимаем языка и которые были выявлены в текстах эссе.

Перейдем к семантическому анализу графика структуры репрезентаций тувинского языка (*рис. 3*). Отношение к тувинскому языку абсолютно и безусловно положительное: в первую очередь это близкий и родной язык, язык, которым дорожат и который любят. Вместе с тем, относительно 0 по оси абсцисс формируются два достаточно определенных подмножества репрезентаций: справа от нуля (положительная область) репрезентации более аффективны и субъективны, слева (отрицательная

область) — более рациональны и объективны. Если анализировать атрибутивные конструкции репрезентаций, то в правой части графика язык характеризуется как уникальный (8), красивый (9) и богатый (18), а в левой — как современный (7) и трудный (19).

В правую часть графика попадает объективная характеристика тувинского языка как государственного (11), которая, как показало исследование, является важной для респондентов. Но и в этой репрезентации есть сема субъективно-аффективной оценки: статус государственного языка способствует созданию престижа языка, в том числе росту чувства гордости за свой язык (репрезентация 13).

С тувинским языком связано не только чувство гордости, но и уважение (3), поскольку, он выступает в функции создания и поддержки социальных связей как в синхронии, так и в диахронии. Не случайно в правую часть графика попадает репрезентация 2 («Связь между прошлым и будущим»), определяющая функцию языка как двунаправленную связь общества с прошлым и будущим. Центральная репрезентация 1 также постулирует идею связи прошлого с настоящим.

Важной репрезентацией, объективно характеризующей качество самого языка, является репрезентация 6 — «Тувинская фарингализация»¹. Не менее важен контент, который передает язык (репрезентация 5), связанный с трансляцией культурного наследия. Интересно, что в правой части графика присутствует только одна связь между когнемами и это репрезентации 5 и 6.

В правую часть поля ожидаемо вошла когнема 4 («Отражение нашей самобытной культуры»). Причем она занимает вторую позицию по индексу оценки (0,688). Это еще раз говорит о высоком уровне связи, фактически единстве языка и культуры. Напомним, что в поле тувинской культуры на первую позицию выходит тувинский язык.

Слева от нуля формируется второе подмножество репрезентаций языка, для которого характерна большая рациональность оценок и метафор. Атрибутами языка в левой части графика выступают два оценочных, но не аффективных прилагательных «трудный» (19) и «современный» (7).

В левую область вошли все репрезентации, связанные с коммуникативной функцией языка, вне зависимости от того передается информационный или эмоциональный контент: 12 («Он выражает любое состояние души: боль, скорбь, радость, разочарование») и 14 («Инструмент для общения между разными людьми»). Исследование показывает, что символические функции тувинского языка в поле русскоязычной концептуализации оказываются все-таки более значимыми, чем коммуникативные. Важно, что сдвиг в сторону увеличения значения символических функций произошел не только на уровне языковых практик, но на когнитивном уровне репрезентаций языка. Если вернуться к классическому термину психологии, то речь идет о сдвиге в структуре социальных представлений². А это значит, что меры по поддержке языка, направленные только на языковые практики не будут эффективны.

Далее, в левой части графика ясно очерчивается блок, состоящий из репрезентаций метафорической природы 10 («Связь между предками, связь с моими корнями»), 15 («Отражение традиций и обычаев нашей Родины») и 17 («Вся история моего народа»). Данный блок семантически близок к репрезентации 1, 2 и 4 из правой части графика, но когнемы правой части более абстрактны и семантически емки по сравнению с когнемами левой части. Можно предположить, что именно по этой причине они были оценены более высоко.

Особняком стоит репрезентация 16 («Влияние монгольского языка — главное отличие от других тюркских языков»). Из двух предложенных характеристик собственно языковой структуры (репрезентации 6 и 16) респондентам оказалась ближе «тувинская фарингализация» (6).

Элементы структуры репрезентаций языка связаны слабо. Всего в исследованном поле имеется шесть связей с индексом дистанции меньше 1,5. Четыре из них находятся в левой части графика, одна связывает левую и правую части, одна расположена в правой части. Структура поля атомарна, хотя в ней и имеются три узла связей 7–14 / 7–19 / 7–1; 19–14 / 19–7 / 19–18; 14–19 / 14–7. Связанными

¹ Об особенностях тувинской и тюркской фарингализации см., напр.: Бичелдей, 2001; Фарингализация как ..., 2014.

² Динамике социальных представлений, к которым относятся и репрезентации языка, посвящено большое количество научных публикаций см., напр.: Guimelli, 1988; Abric, 1994; Flament, 1997.

оказываются понятия тувинского языка как инструмента общения, как современного, трудного и богатого языка. Это достаточно интересный результат: возможно идет формирование новых смыслов и нового понимания тувинского языка как языка современного типа с первенством коммуникативной функции. Стоит обратить внимание, что этот язык «трудный»¹, а значит он уже не усваивается спонтанно и его нужно учить. Но пока безусловно более значимо понимание тувинского языка как родного в символической и аффективной функции (правая часть графика).

Тувинская культура. Структура репрезентаций тувинской культуры (рис. 4) является высоко организованной и этим существенно отличается от структуры представлений о тувинском языке. Во-первых, в данной структуре есть безусловное центральное ядро и антиядро на дальней периферии (на графике это занятые крайние левые и правые позиции). Во-вторых, центральная группа репрезентаций формирует два четких подмножества в положительной (справа от нуля) и отрицательной (слева от нуля) областях по оси абсцисс. В-третьих, в каждой из этих областей есть свои организующие центры ядерных периферийных репрезентаций. И, наконец, в-четвертых, в структуре репрезентаций тувинской культуры большое количество связей с низким индексом дистанции между элементами, фактически, все элементы оказываются так или иначе связаны друг с другом.

Таким образом, поле «Тувинская культура» представляет собой эталонный пример высоко организованной структуры репрезентаций. В то время как поле «Тувинский язык» является скорее слабо организованной атомарной структурой.

В структуре репрезентаций «Тувинская культура» наблюдается очевидный сдвиг в правую область, что говорит о преобладании более высоких оценок когнем. Если не учитывать выбросы влево (2, 9, 19) и вправо (3), то репрезентации левой части графической модели расположены в интервале от $-0,47$ (15) до $-0,10$ (7), а правой части от $+0,03$ (10) до $1,08$ (13). При этом справа и слева от нуля количество репрезентаций одинокого и равно десяти.

В поле «Тувинская культура» наибольшую оценку ($+1,64$) получила репрезентация 3 («Родной тувинский язык»). У нее также достаточно высокий индекс консенсуса (1). Это делает ее безусловной центральной ядерной репрезентацией. Как и центральная ядерная репрезентация поля «Тувинский язык» (1), так и репрезентация 3 поля «Тувинская культура» не имеет связей с другими репрезентациями в структуре. Однако индексы дистанции между данной (3) и другими репрезентациями поля «Тувинская культура» показывают, что отсутствие связей в этом случае имеет иную природу и значение. У репрезентации 3 наиболее высокие показатели индекса дистанции между ней и другими когнемами (рис. 2), а это говорит о том, что она занимает особое место в структуре. В нашей статье 2022 г. показано, насколько это значимая репрезентация (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 177), здесь же мы не будем останавливаться на этом подробно.

Выбросы в левой части графической модели структуры репрезентаций поля «Тувинская культура» (рис. 4), а это когнемы 2 («Тувинские песни (теректер, ынакишыл-дыр ол)»), 9 («Конкурс красоты и мужества «Тажы биле Даңгына»»), 19 («Фестиваль Устуу-Хурээ»), формируют четко очерченный семантический блок, в который вошли репрезентации, связанные с использованием традиционных форм культуры в современных условиях. Их периферийную позицию в левой части графика можно интерпретировать двояко: возможно, что это незначимые репрезентации, но возможно, и мы склоняемся к этой точки зрения, это важные репрезентации, которые не вписываются в стереотипное понимание культуры, которая должна быть традиционно «народной» в значении близком к фольклорной. Так, например, по нашим исследованиям в поле русской культуры не входят репрезентации, связанные с научными достижениями, техническими свершениями, историческими событиями и спортивными победами (Москвичева, Александрова, Бруффардс, 2023).

При определенном стечении обстоятельств репрезентации, связанные с модернизированными формами культуры (2, 9, 19 или их аналоги) потенциально, как было сказано выше, могут модифицировать смыслы поля «Культура» или же стать ядром нового поля репрезентаций.

Структура репрезентаций поля «Тувинская культура» хорошо организована: всего в поле «Тувинская культура» насчитывается девятнадцать связей с низким индексом дистанции между репрезента-

¹ Репрезентация о тувинском языке как «трудном» присутствовала в эссе, полученных на первом этапе исследования. Ее место в структуре репрезентаций определялось на основании оценок респондентов по общей для всех репрезентаций процедуре. Представление о родном языке как «трудном» требует отдельного исследования.

циями, шестнадцать из которых связывают когнемы центральной части, одна связывает центральную часть и левую периферию, две связи отмечены в левой периферии (рис. 4).

И в левой, и в правой области центральной части есть ядерные репрезентации, формирующие кластеры репрезентаций. Для левой части это когнема 16 («Национальная игра тевек»), для правой части — это когнема 4 («Национальный вид спорта хуреш»). Отметим, что обе репрезентации связаны с физической активностью, игрой, спортом, следовательно, обладают высоким социальным потенциалом объединения через развлечения. Исследуя поле «Тувинская культура» в статье 2022 г., авторы сосредоточили внимание на анализе ядра поля и уделили недостаточно внимания исследованию роли и функций его периферий, что привело к следующему выводу:

«Национальная игра тевек» расположена в зоне неопределённости поля тувинской культуры. Вместе с тем она известна тувинцам, есть целые сообщества любителей этой игры, на различных ресурсах можно найти массу информации как о самой игре, так и игроках. Игра тевек, безусловно, является значимым элементом культуры, но едва ли данная культура может стать центральным элементом этнической или культурной идентичности или действенным мобилизационным ресурсом при проведении кампаний по сохранению и ревитализации тувинской культуры и языка. Культуры же ядра и частично центральной зоны эти функции выполнять могут» (Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022: 179).

Однако сомнения относительно правильности такого вывода остались, поскольку интуитивно чувствовалось, что это важная составляющая тувинской культуры. Да, формально репрезентация-культура находится в зоне неопределённости (отрицательные значения индекса оценки и высокие показатели индекса консенсуса). Но важно не только место когнемы, но и ее связи. Именно поэтому было решено усовершенствовать методологию исследования и ввести индекс дистанции между репрезентациями. Новый подход, в котором в центре проблематики стоит не выявление иерархической структуры поля, а выявление и анализ горизонтальных связей, показал, что сомнения были не напрасны.

В структуре репрезентаций полей «Тувинский язык» и «Тувинская культура» имеются различия в области распределения по индексу консенсуса. Большинство репрезентаций поля «Тувинский язык» попадают в IV группу с условно низкими показателями уровня согласия в обществе ($1,2 \leq x < 1,5$). Репрезентации поля «Культура» в большинстве распределяются в группе II с высоким и в группе III средним индексом консенсуса (таб. 8). Это свидетельствует о большей флюидности и размытости границ между когнемами в поле «Язык» и определенном понимании и ясных границах между когнемами в поле «Культура».

Семантическая структура поля «Тувинская культура» также имеет ряд существенных отличий от структуры поля «Тувинский язык». Основным типом семантических отношений между репрезентациями в поле «Тувинская культура» является гипонимия. Подавляющее большинство когнем (16, 15, 10, 13, 17, 20, 4, 12, 14 и условно 11) — это согипонимы гиперонима культура, обозначающие ее конкретные формы. Вторую значимую и структурированную группу составляют репрезентации, которые можно назвать «Стереотипы поведения». Это репрезентации 1 («Почет и уважение к старшему поколению»), 7 («Гостеприимство и забота о близких»), 18 («Кочевой образ жизни и скотоводство»). В силу преобладания гипонимических связей поле культуры ближе к целому как совокупности totum, поскольку оно характеризуется через его составляющие, в то время как поле языка — как к целостности *отпе* и характеризуется через метафоры и атрибуты.

В правой центральной области графической модели структуры репрезентаций поля «Тувинская культура» выделяются три ядерных когнемы: 4 («Национальный вид спорта хуреш»), 14 («Национальные блюда»), 17 («Национальные праздники (Шагаа, Наадым)»). Все три репрезентации имеют высокий индекс согласия. Все три являются номинациями конкретных форм культуры, иными словами, номинируют конкретные референты, а в структуре их значения преобладает денотативный компонент. Из десяти репрезентаций правой части графика девять номинируют конкретные формы культуры, и одна — репрезентация 1 («Почет и уважение к старшему поколению») — стереотип поведения. Репрезентация 4 («Национальный вид спорта хуреш») связана с шестью другими и ее, как и репрезентации 4 и 17, можно считать ядерными.

В левой части графической модели структуры репрезентаций ядерной репрезентацией является когнема 16 («Национальная игра тевек»), которая связана с семью другими репрезентациями (19, 15, 6, 7, 10, 4) и таким образом формирует кластер репрезентаций. Значимым видится то, что левая и правая область графика связаны.

В правой и левой частях графической модели практически все когнемы оказываются связанными друг с другом, что говорит о высокой структурированности поля культуры. Изолированными в правой части графика являются когнемы 8 («Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное отношение к ней»), 20 («Традиции, передающиеся из поколения к поколению») и 11 («Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)'). В левой части изолированными оказываются когнемы 5 («Тува — центр Азии») и 18 («Кочевой образ жизни и скотоводство»). По всем изолированным когнемам наблюдается высокий уровень разброса мнений. Важно, что у когнем 18 и 5 и 11 при высоком разбросе мнений (ИК 1,35, 1,52 и 1,40 соответственно) показатели индекса оценки расположены недалеко от 0. Это говорит о сильном колебании оценки: для части респондентов это очень важные репрезентации, оцененные ближе к +2, для другой части наоборот. Репрезентации с такими показателями находятся в состоянии динамики, которая может привести или к потере их значимости для общества или же, наоборот, к ее росту. Ответ на данный вопрос могут дать исследовательские интервью.

Заключение

Применение методики многоуровневого комплексного анализа к исследованию структуры репрезентаций полей «Тувинская культура» и «Тувинский язык» у молодого поколения тувинцев выявило значительные различия в их организации как в количественном, так и в качественном аспектах. Прежде всего это касается типа структур. Для поля репрезентаций, связанных с культурой, характерен жесткий, упорядоченный тип структуры, в котором четко выделяется левый (дальняя периферия), правый (центральное ядро) фланги и центр. Репрезентации центральной части, в свою очередь, организованы в кластеры вокруг нескольких ядерных репрезентаций. Абсолютное большинство элементов структуры связаны друг с другом. Также связаны левая (отрицательная) и правая (положительная) части структуры. Структура поля «Тувинский язык» предстает как атомарная. При безусловно положительной оценке языка, о чем свидетельствует общий сдвиг всей структуры вправо, практически отсутствуют связи между элементами. Правая область представлена одной репрезентацией, левая периферия оказывается незанятой.

При оценке структуры репрезентаций важную роль играет его центральная часть. Именно она является гарантом пластичности системы и степени ее обращенности к индивидам. Ядро структуры (правая область на графической модели структуры репрезентаций) задает смыслы и общую ценностную ориентацию, но именно центральные репрезентации обеспечивают включенность носителей языка и/или культуры и делают возможным присвоение ее элементов. Развитый и хорошо организованный центр поля «Тувинская культура» свидетельствует о ее востребованности у носителей и делают эффективными меры по ее поддержке.

Представления о языке и культуре молодого поколения тувинцев по-разному концептуализируются с точки зрения семантической организации поля. Для тувинской культуры характерен гипонимический тип связи, доминирование репрезентаций с преобладанием денотативного компонента в значении, а также явное их распределение по двум основным кластерам: формы культуры и стереотипы поведения, где формы культуры оказываются более значимыми. Среди репрезентаций практически отсутствуют оценочные. Репрезентации языка преимущественно представляют собой атрибутивные или метафорические оценочные конструкции. В их семантике преобладает сигнификативный компонент, а наиболее абстрактная репрезентация является центральным ядром. Таким образом, можно утверждать, что поле тувинской культуры организовано как совокупность *totum*, а поле языка как целостность *omne*. Преобладание аффективных оценок в поле «Тувинский язык» косвенно свидетельствует о процессах языкового сдвига и росте символической функции языка. Поле культуры по преимуществу остается инструментальным и функциональным.

Анализ структур репрезентаций тувинского языка и тувинской культуры в русскоязычной картине мира, как представляется, обоснованно подтверждает важное наблюдение о соотношении и функциональном распределении этих понятий. Основной функцией языка является связь поколений. Иными словами, язык выстраивает и сохраняет вертикальные диахронические связи. Основной функцией культуры является связь общества, то есть горизонтальные синхронические связи. Таким образом, язык обеспечивает сохранность общности как народа (этноса), а культура — как социума. Это заключение нуждается в дальнейшей проверке и обсуждении. В первую очередь, необходимо провести аналогичный анализ структур репрезентаций языка и культуры, как они концептуализируются

и понимаются, в тувиноязычной картине мира молодых тувинцев. Без сопоставления и сравнительного анализа двух картин мира любые выводы по структуре репрезентаций билингвов не могут быть полными. Как представляется, это продуктивный путь размышлений.

Благодарности

Авторы статьи выражают свою искреннюю признательность и благодарность к. т. н. Е. Б. Фунтову за помощь в разработке и использовании математического аппарата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтикиреева, У. М. (2016) О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2 (50). С. 76–80.

Бичелдей, К. А. (2001) Фарингализация в тувинском языке. М. : РУДН. 290 с.

Боргоякова, Т. Г., Покоякова, К. А. (2022) Смысловые зоны восприятия языков в контексте национально-русского билингвизма Южной Сибири // Новые исследования Тувы. № 4. С. 53–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Глухова, Н. Н., Глухов, В. А. (2009) Системы ценностей финно-угорского суперэтноса. Йошкар-Ола : ООО «Стринг». 275 с.

Дырхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Москвичева, С. А., Вио, А., Замалетдинов, Р. Р. (2023) Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском языковом континууме // Russian Journal of Linguistics. Т. 27 (3). С. 689–715. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Бруффартс, Н. С. (2023) Концептуализация представлений о русской культуре и культуре России в русском языке // Русистика. Т. 21. № 4. С. 440–456. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-440-456>

Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири) (2014) / И. Я. Селюгина, Н. С. Уртегешев, Т. Р. Рыжикова, И. Д. Дамбыра, С. В. Кечил-оол; отв. ред. Н. Н. Широкова. Новосибирск : Омега Принт. 312 с.

Abric, J.-C. (1994) Pratiques sociales et représentations. Paris : PUF. 303 с.

Aracil, L. V. (1976) Conflit linguistique et normalisation linguistique dans l'Europe moderne. Cahiers de l'IRSCE : Série A. Études et documents de sociolinguistique (Tom 1). Perpignan : Centre Universitaire de Perpignan. 19 p.

Blanchet, P. (2016) Discriminations : combattre la glottophobie. Paris : Textuel. 191 p.

Boudreau, A. (2016) À l'ombre de la langue légitime. L'Acadie dans la francophonie. Paris : Classiques Garnier. 297 p.

Boyer, H. (ed.) (2010) Pour une épistémologie de la sociolinguistique: actes du colloque international de Montpellier, 10–12 décembre 2009. Limoges : Lambert-Lucas. 427 p.

Boyer, H. (2012) Singularité(s) de la sociolinguistique du domaine catalan. Un repérage épistémologique // Histoire. Épistémologie. Langage. Vol. 34. P. 29–41.

Colonna, R. (ed.). (2014) Les locuteurs et les langues : pouvoirs, non-pouvoirs et contre-pouvoirs, Limoges : Lambert-Lucas. 376 p.

Costa, J. (2017) Faut-il se débarrasser des "idéologies linguistiques"? // Langage & Société. № 160–161. P. 111–127.

Flament, C. (1997) Structure, dynamique et transformation des représentations sociales // Jodelet, D. (ed.) Les représentations sociales. 5ème édition. Paris : PUF. 449 p. P. 224–239.

Guimelli, C. (1994) Pratiques nouvelles, transformation des représentations sociales et Schèmes Cognitifs de Base // Guimelli, C. (ed). Structures et transformations des représentations sociales. Paris : Delachaux et Niestlé. 266 p. P. 171–198.

Jodelet, D. (1989) Les représentations sociales. Paris : P.U.F. 424 p.

Kerbrat-Orecchioni, C. (2006) L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris : Armin Colin. 272 p.

Maurer, B. (2011) Méthodologie d'enquête pour une représentation graphique des composants de la représentation sociale d'une langue // Blanchet, P. et Chardenet, P. (eds.) Guide de recherche en didactique des langues et des cultures : une approche contextualisée. Paris : Édition des archives contemporaines. 523 p. P. 179–192.

Maurer, B., Desrousseaux, P.-A. (2013) Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête. Paris : Édition des archives contemporaines. 124 p.

Matthey, M. (dir.). (1997) Les Langues et leurs images, Neuchâtel : IRDP. 132 p.

Moliner, P., Rateau, P., Cohen-Scali, V. (2002) Les représentations sociales. Pratique des études de terrain. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 230 p.

Rosch, E. (1978) Principles of Categorization // Rosch, E., Lloyd, B. (eds.). Cognition and Categorization. Hilldale, New Jersey : Lawrence Erlbaum. 340 p. P. 27–48.

Strauss, A., Corbin, J. (1998) Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. 2nd ed. SAGE Publication. 312 p.

Urdapilleta, D. L., Lo Monaco, G. (2015) Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // Quality & Quantity. Vol. 49(2). P. 489–507.

Vallverdú, F. (1977) La normalització del catalán modern // Treballs de sociolingüística catalana. № 1. P. 147–155.

Viaut, A. (2010) La notion de besoin linguistique et les langues minoritaires // Darbon, D., Otayek, R., Sadran, P. Altérité et identité, itinéraires croisés. Mélanges offerts à Christian Coulon. Bruxelles : Bruylant. 418 p. P. 401–416.

Дата поступления: 28.05.2024 г.

Дата принятия: 22.06.2024 г.

REFERENCES

Bakhtikireeva, U. M. (2016) About translanguaging and transculturation through the prism of a single linguistic biography. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, no. 2 (50), pp. 76–80. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2001) *Pharyngalization in the Tuvan language*. Moscow, RUDN. 290 p. (In Russ.).

Borgoiakova, T. G. and Pokoiakova, K. A. (2022) Semantic zones of language perception in the context of national-Russian bilingualism in Southern Siberia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 53–64 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.4>

Glukhova, N. N. and Glukhov, V. A. (2009) *The value systems of the Finno-Ugric superethnos*. Ioshkar-Ola, OOO «String». 275 p. (In Russ.).

Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Kaplunova, M. Ya. (2022) Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Moskvicheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Moskvicheva, S. A., Vio, A. and Zamaletdinov, R. R. (2023) Language representations and language attitudes in the Mishar dialect continuum. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27 (3), pp. 689–715. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34933>

Moskvicheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Bruffarts, N. S. (2023) Conceptualization of ideas about Russian culture and the culture of Russia in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 21, no. 4, pp. 440–456. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-4-440-456>

Pharyngalization as a typological feature of phonological systems (based on the material of the Turkic languages of Southern Siberia) (2014) / I. Ya. Seliutina, N. S. Urtegeshev, T. R. Ryzhikova, I. D. Dambyra, S. V. Kechil-ool; ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk, Omega Print. 312 p. (In Russ.).

Abric, J.-C. (1994) *Pratiques sociales et représentations*. Paris, PUF. 303 p.

Aracil, L. V. (1976) *Conflit linguistique et normalisation linguistique dans l'Europe moderne. Cahiers de l'IRSCÉ : Série A. Études et documents de sociolinguistique* (Tom 1). Perpignan, Centre Universitaire de Perpignan. 19 p.

Blanchet, P. (2016) *Discriminations: combattre la glottophobie*. Paris, Textuel. 191 p.

Boudreau, A. (2016) *À l'ombre de la langue légitime. L'Acadie dans la francophonie*. Paris, Classiques Garnier. 297 p.

Boyer, H. (ed.) (2010) *Pour une épistémologie de la sociolinguistique : actes du colloque international de Montpellier, 10–12 décembre 2009*. Limoges, Lambert-Lucas. 427 p.

Boyer, H. (2012) Singularité(s) de la sociolinguistique du domaine catalan. Un repérage épistémologique. *Histoire. Épistémologie. Langage*, vol. 34, pp. 29–41.

Colonna, R. (ed.) (2014) *Les locuteurs et les langues : pouvoirs, non-pouvoirs et contre-pouvoirs*. Lambert-Lucas. 376 p.

Costa, J. (2017) Faut-il se débarrasser des "idéologies linguistiques"? *Langage & Société*, no. 160–161, pp. 111–127.

Flament, C. (1997) Structure, dynamique et transformation des représentations sociales. In: Jodelet, D. (ed.) *Les représentations sociales*. 5ème édition. Paris, PUF. 449 p. Pp. 224–239.

Guimelli, C. (1994) Pratiques nouvelles, transformation des représentations sociales et Schèmes Cognitifs de Base. Dans: Guimelli, C. (ed) *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris, Delachaux et Niestlé. 266 p. Pp. 171–198.

Jodelet, D. (1989) *Les représentations sociales*. Paris, P.U.F. 424 p.

Kerbrat-Orecchioni, C. (2006) *L'Énonciation. De la subjectivité dans le langage*. Paris, Armin Colin. 272 p.

Maurer, B. (2011) Méthodologie d'enquête pour une représentation graphique des composants de la représentation sociale d'une langue. Dans: Blanchet, P. et Chardenet, P. (eds.) *Guide de recherche en didactique des langues et des cultures : une approche contextualisée*. Paris, Édition des archives contemporaines. 523 p. Pp. 179–192.

Maurer, B. et Desrousseaux, P.-A. (2013) *Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête*. Paris, Édition des archives contemporaines. 124 p.

Matthey, M. (dir.) (1997) *Les Langues et leurs images*. Neuchâtel, IRDP. 132 p.

Moliner, P., Rateau, P. et Cohen-Scali, V. (2002) *Les représentations sociales. Pratique des études de terrain*. Rennes, Presses Universitaires de Rennes. 230 p.

Rosch, E. (1978) Principles of Categorization. In: Rosch, E. and Lloyd, B. (eds.) *Cognition and Categorization*. Hilldale, New Jersey, Lawrence Erlbaum. 340 p. Pp. 27–48.

Strauss, A. and Corbin, J. (1998) *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. 2nd ed. SAGE Publication. 312 p.

Urdapilleta, D. L. and Lo Monaco, G. (2015) Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods. *Quality & Quantity*, vol. 49(2), pp. 489–507.

Vallverdú, F. (1977) La normalització del catalán modern. *Treballs de sociolingüística catalana*, no. 1, pp. 147–155.

Viaut, A. (2010) La notion de besoin linguistique et les langues minoritaires. Dans: Darbon, D., Otayek, R. et Sadran, P. *Altérité et identité, itinéraires croisés. Mélanges offerts à Christian Coulon*. Bruxelles, Bruylant. 418 p. Pp. 401–416.

Submission date: 28.05.2024.

Acceptance date: 22.06.2024.